

Николай КОНЯЕВ

г. Санкт-Петербург

«Подвиг власти может состоять в том, чтобы достойно отстаивать внешнюю независимость и величие сана – отстаивать даже до смерти.

Но подвиг власти может состоять также и в том, чтобы, выполняя основные задачи сана, защищая «благочестие и люди своя», внутренне преодолевать, когда это нужно для исполнения основной задачи, земное тщеславие власти».

Г.В. Вернадский

Глава первая

БИТВА НА АВДОВОЙ ГОРЕ

Избранному воеводе земли Российской, светлomu украшению Церкви православныя, Святому Благоверному великому князю Александру Невскому, похвальная восписующе, яко верою враги, видимыя же и невидимыя, победившему...

Акафист Александру Невскому. Кондак первый

Вглядываешься в события истории, и кажется, прикасаешься к тайне судеб божиих...

Вот 1206 год...

В самом сердце Азии, в горах Хангая, на берегу Орхона, курултай монгольских народов провозгласил воинственного Тэмуджина самодержцем (Чингисханом). Совершилось объединение татарских и монгольских племен в единый военно-политический союз. Началась эпоха великих монгольских нашествий на Китай, на Среднюю и Малую Азию, на Русь.

А через год, 7 октября 1207 года, другое событие...

Папа Римский Иннокентий III в послании «ко всему духовенству и мирянам русским» посетовал, что Русь удалась от католической веры, как от груди матери, и стала чужим ребенком. Он призвал Русскую Церковь вернуться с бездорожья на путь истины и пойти под опеку главы католической церкви.

«В случае неповиновения, – отечески печалился Папа, – с Русью может случиться то же, что и с Византией...»¹

Медленно, но неотвратимо сплетаются в глуби-

не столетий гибельные для нашей страны сети. И еще далека опасность, а уже подыскивается русский герой, способный одолеть надвигающуюся беду. И ничье своеволие не способно противостоять божьему промыслу, все равно совершится то, чему назначено совершиться.

Так было и накануне рождения святого благоверного князя Александра Невского. Он родился, когда события разворачивались столь неблагоприятно для Руси, что, быть может, и не было бы без Александра Невского у нашей страны дальнейшей истории.

И удивительно, но само рождение князя оказалось сопряжено с такими колоссальными препятствиями, что, кажется, ему и невозможно было родиться. Темные силы делали, кажется, всё, чтобы не случилось этого...

1

Неспокойно начиналось княжение его отца, Ярослава Всеволодовича...

Ярослав Всеволодович был четвертым сыном князя Всеволода Юрьевича, прозванного Большое Гнездо. При Всеволоде Большое Гнездо разрослось и укрепилось Владимирское княжество, превратившись в самостоятельное и достаточно сильное государство, но еще жив был он, как между старшими сыновьями (всего у Всеволода Юрьевича было восемь сыновей) вспыхнула вражда, затянувшаяся на долгие годы. Поводом стало завещание отца, отдавшего старшему Константину, княжившему в Ростове, великое княжение и город Владимир, при условии, что Ростов перейдет третьему сыну (второй сын Борис умер) Юрию (Георгию).

Константин, не желая потерять полюбившийся ему Ростов, не согласился с этим, и Всеволод изменил завещание, отдавая Юрию и город Владимир, и великое княжение.

Это решение окончательно поссорило Константина и с братьями, и с отцом. Константин даже не поехал на похороны отца, и хотя Юрий Всеволодович предложил тогда ему поменяться княжествами, то есть вернуться к первому варианту завещания, но Константин отверг и это предложение. Он объявил, что в Ростове и Ярославле должны княжить его сыновья, а Юрию он может предложить только Суздаль.

Так началась междоусобная война. Ярослав

Всеволодович, получивший после смерти отца Переяславль Залесский, выступил тогда на стороне брата Юрия.

И хотя никто и не претендовал на удел Ярослава Всеволодовича, но так получилось, что именно он и стал виновником грандиозной битвы на Липицком поле в 1216 году, приведшей к полному поражению Юрия Всеволодовича.

Однако при всей внешней очевидности этого факта следует отметить, что от самого Ярослава Всеволодовича очень мало что зависело в столь прискорбном развитии событий. Горестный ход их или, как говорил историк Николай Андреевич Клепинин, трагическая историческая динамика определилась еще в 1215 году, когда Ярослав Всеволодович только начал княжить в Великом Новгороде взамен своего тестя Мстислава Мстиславовича, ушедшего в любимую им Южную Русь.

2

Тут нужно сказать несколько слов о характере отношений владими́ро-суздальских князей с Киевской Русью и с Господином Великим Новгородом.

Как отмечал Николай Андреевич Клепинин, уже ко времени княжения Всеволода Большое Гнездо Владимиро-Суздальская Русь окончательно сложилась и, по сравнению с Приднепровьем, в ней выявилось много нового и самобытного, не похожего на прежний строй Киевщины.

Князья здесь перестали переходить со стола на стол. Вместе с ними и дружина начала оседать и приобретать земский характер. Быт князей и дружины сделался более оседлым. Превращаясь в хозяев-собственников, бояре перестали менять одно княжество на другое, «ищуце себе славы, а князю чти», они прочно обосновывались на своих землях. Интересы земли делались и их интересами.

Смешиваясь с местными племенами, менялось и пришедшее в суздальские земли русское население. Изменились наружность и сам характер переселенцев. Складывался новый великорусский тип.

«Киев был устремлением к Византии, к степям и к Хозарии, – пишет Н.А. Клепинин. – С киевских гор открывались широкие горизонты и свободные дали. Все, что совершалось за рубежами, в Византии и в степях, было ему ведомо и непосредственно на него влияло. На севере горизонты сужаются, заслоняются лесами. Суздаль обращен на восток,

к болгарам, более диким, чем Русь. Все, что доходит до него из других стран через Киев и Новгород, становится лишь далекими отголосками.

Киев как бы согрет отблесками золотопарчовой Византии. На юге князь и его дружина переходили из удела в удел, от стола к столу. Полям их интересов и стремлений была вся Русь. Удел и город были только временным житием, «прокормлением», а мысли их мерили просторы от Полоцка до Киева, от Новгорода до Тмутаракани. В Киеве – широта и размах. В киевских князьях были поэзия удали и лихого полета. И все краски киевской жизни пестры, беспокойны, полны противоречий, языческого буйства жизни и строгости первых монастырей.

На севере эти краски тускнеют. В Суздале сдержанность, труд и прикованность, часто на всю жизнь, к одному городу, к одному урочищу. Работа над землей приковывала взгляд к одному болотистому, неплодородному полю. Мысль не могла рыскать по всей земле. Для этого не было и южных просторов. Здесь княжества затеряны среди широко, во все стороны растекающихся рек, неизвестно куда выводящих, никуда не влекущих, как прямой и многоводный Днепр, устремленный к Византии».

Это различие определило и различное отношение суздальских и киевских князей к Господину Великому Новгороду.

Сам этот город был средоточием огромного края. Он создавался и богател без особого участия князей, и власть в нем всегда принадлежала тому, кто держал в своих руках торговлю – крупным купцам-боярам. Само население создавало страну, и поэтому верховной властью в Новгороде было вече, собрание всех свободных новгородцев. Это вече направлялось и руководилось боярами, но порою «меньшие» люди могли и восстать на людей «больших». Это основное противоречие новгородской жизни – фактическое господство боярства и одновременная подчиненность его вечу – было источником постоянных распрей и междоусобий. В одном новгородцы были едины: в отстаивании своих вольностей. Князь для них был только предводителем войска и судьей, и новгородцы неуклонно пытались удержать княжескую власть в этих границах.

«Возвышение Суздаля, – подчеркивает Н.А. Клепинин, – столкнуло его с Новгородом. В северной Руси оказалось два средоточия. Крепкий своей княжеской властью Суздаль и богатый, свободолюбивый Новгород. В облике Суздаля и Новгорода – глу-

бокая разница. Суздаль – мужик, залешанин, крепкий своей связью с землей, медленным, но верным ростом из болот. В Новгороде есть крепость горожанина торговца, упрямого и свободолюбивого.

Новгород стал на пути Суздаля. Началась постоянная борьба суздальских князей с Новгородом. Эта борьба не похожа на южные усобицы. Это была борьба двух волей, двух упрямых стремлений».

3

Вот этой трагической исторической динамикой противостояния уходящей Киевской Руси с укрепляющимися Владимиро-Суздальскими княжествами и определялось поведение Ярослава Всеволодовича, севшего на княжеский престол в Великом Новгороде.

Всеволод Большое Гнездо послал его княжить в Великий Новгород еще в 1209 году. Тогда и завязалась борьба между ним как представителем владимирских князей и Мстиславом Мстиславовичем, представителем смоленской ветви Рюриковичей, прозванным за удачливость в многочисленных военных предприятиях Удатным.

С перерывами эта борьба продолжалась до 1216 года, и женитьба Ярослава Всеволодовича на дочери Мстислава Мстиславовича Удатного, будущей матери князя Александра Невского, являлась одним из эпизодов развернувшейся борьбы.

В принципе, у Ярослава Всеволодовича не было никаких шансов на победу, но Мстислав Мстиславович действительно воплощал в себе широту и размах южнорусского княжеского служения, исполненного «былинной поэзии удали и лихого полета», и никогда не замыкался в новгородских пределах.

Полям его интересов была вся Русь, и, когда краковский князь Лешко позвал его в поход на захваченный венграми Галич, Мстислав Мстиславович не стал долго раздумывать.

– Есть у меня дела на Руси, а вы вольны в князьях, – объявил он на вече и покинул Новгород вместе с дружиной.

Вот тогда и пригласили на княжение в Великий Новгород будущего отца Александра Невского перемыславского князя Ярослава Всеволодовича.

Как представитель суздальских князей и одновременно зять Мстислава Мстиславовича, он должен был консолидировать противоборствующие в Новгороде силы, но все произошло с точностью до

наоборот. Отношения с новгородскими боярами, заскучавшими о прежнем князе, у Ярослава Всеволодовича сразу не заладились, и, принуждая бояр покориться, князь отъехал в Торжок.

«Той осенью много зла сотворилось, – повествует Новгородская летопись, – побил мороз урожай по волости, а на Торжке все уцелело. И забрал князь весь хлеб в Торжке, не пустил в город ни воза... в Новгороде кадь ржи покупали за десять гривен, а овса по три гривны, а репы воз по две гривны, ели люди сосновую кору и лист липовый и мох. О горе было тогда, братья: детей своих продавали, и поставили скудельницу, и всю ее наполнили».

Мстислав Мстиславович, управившись с венграми, вернулся 11 февраля 1216 года в Новгород как строгий, но справедливый отец и утешитель.

«Сын мой, – написал он зятю, – отпусти мужей и гостей новгородских, уйди из Нового Торга и возьми со мною любовь».

Еще, как сообщает В.Н. Татищев, Мстислав Мстиславович потребовал от Ярослава Всеволодовича жить честно с женой и не давать ее в обиду своим наложницам, а в противном случае отослать ее обратно к нему.

Несомненно, Мстислав Мстиславович испытывал к княгине Феодосии отцовскую любовь, но, право же, тут Феодосия становилась лишь фигурой в борьбе за Новгород.

Поэтому Ярослав Всеволодович, отвечая на эти миролюбивые призывы тестя, приказал заковать захваченных им новгородцев в кандалы и разослать в заточение по залесским городам.

Тогда Мстислав Мстиславович, как пишет Н.М. Карамзин, «хотев прежде дружелюбно разделаться с Ярославом, но принужденный искать управы мечом, взял своим меры, как искусный Военачальник и Политик. Предвидя, что Георгий Всеволодович будет всеми силами помогать меньшему брату, Мстислав заключил тайный союз с Константином и дал ему слово возвести его на престол Владимирский».

Кроме этого, Мстиславу Мстиславовичу удалось заручиться помощью брата, псковского князя Владимира Мстиславовича, и двоюродного брата Владимира Рюриковича – князя смоленского, и в результате междоусобная война между Всеволодовичами разгорелась с новой силой.

«Месяца марта в 1 день, во вторник по Чистой неделе» новгородско-псковская рать выступила в поход, центральным эпизодом которого стала знаменитая битва на Липицком поле 21 апреля 1216 года.

Накануне битвы, то ли выигрывая время до подхода дополнительных сил, то ли оберегая свое имя от обвинений в организации братоубийственной войны, Мстислав Мстиславович не скупился на миролюбивые инициативы.

«Кланяемся тебе, брате, нам от тебя никакой обиды нет, а есть обида от Ярослава – и Новгороду, и Константину, старейшему брату твоему... – пишет он Юрию Всеволодовичу. – Тебя же просим, примиришь со старейшим братом, отдай ему старейшинство по правде его, а Ярославу вели отпустить новгородцев и новоторжан. Да не прольется напрасно кровь людская, за то взыщется с нас Бог».

Если откинуть миролюбивую риторику, эта новая «мирная инициатива» сводилось к тем самым требованиям Константина Всеволодовича, из-за которых и разгорелась после кончины Всеволода Большое Гнездо междоусобная война.

«Мы один человек с братом Ярославом», – кратко ответил на это Юрий Всеволодович.

А вот Ярослав Всеволодович по неопытности – ему было всего двадцать пять лет – сдержаться не сумел. Когда тесть принялся укорять его, дескать, «Новгород есть мой. А ты не по делу схватил мужей новгородских... ты, сыне, отпусти узников, а волость Новгородскую возврати. Так помиримся и не прольем напрасно крови», – ответил воинственно и задиристо: «Мира не хотим; мужи ваши у меня; издалека вы пришли, а вышли, как рыбы на сухо».

И было еще и третье послание мудрого Мстислава Мстиславовича, составленное столь нравоучительно, что, кажется, и не к младшим Всеволодовичам оно обращено, а прямо к летописцам:

«Братья, все мы племени Владимирова и пришли сюда не для войны и разорения, не чтобы у вас отчины отнять, но ищем мира. Вы же по закону Божию и Правде Русской дайте старейшинство большему брату Константину. Знаете сами, что если брата не любить, то и Бога ненавидеть, ничем то искупить нельзя».

Теперь и Юрий Всеволодович не смог сдержаться.

«Скажите Мстиславу, что он знает, как пришел, но не ведает, как уйдет отсюда, – ответил он посланцам. – Ежели сам отец наш не мог рассудить меня с Константином, то Мстиславу ли быть нашим судьей? А брату Константину скажите: пересясь нас, то твоя будет вся земля».

Таким образом, еще не вступив на равнину у Липицы, Мстислав Мстиславович уже выиграл то, что называется сейчас информационной войной. Не случайно летопись рисует Юрия и Ярослава Всеволодовичей накануне битвы как чудовищ, алчущих братской крови:

«Се пришел товар в руки. Вам же будут брони, кони и порты. А человека кто возьмет живого, тот сам будет убит. Аще и золотом шито оплечье будет, и того убей, да не оставим ни единого живого. Аще кто из полку утечет, не будет убит, а схватим его, ино тех вешати или распинати».

Запретив брать пленных, а этот приказ почему-то стал известен накануне битвы именно в войске Мстислава Мстиславовича, братья Всеволодовичи приняли, как утверждает летопись, делить чужие княжества и поделили между собою не только Новгород и Смоленск, но и южнорусские земли. Киев, правда, они решили отдать черниговским князьям, но Галич забрали себе.

Более бессмысленных действий трудно было придумать, и, очевидно, они тоже, как и миротворческие инициативы, происходили в поле информационной войны, и не Всеволодовичи совершали их, а мудрый Мстислав Мстиславович ...

5

Между прочим, во многом благодаря успехам этой информационной войны и была одержана победа у Липицы.

Всеволодовичи превосходили войско своих противников в численности, кажется, и тактически они даже переиграли Мстислава Мстиславовича, успев занять удобную для обороны возвышенность, называемую Авдова гора.

Войскам Мстислава Мстиславовича пришлось встать на Юрьевом холме², отделенном от Авдовой горы глубоким заросшим оврагом, по дну которого струился ручей Тунег.

Анализируя расположение войск к началу битвы, многие отмечают, что сложилась по сути патовая ситуация: войска стояли на двух возвышен-

ностях, кто первый двинулся бы атаку, тот и должен был проиграть.

Ничего не решили – на стороне Мстислава Мстиславовича в Липицкой битве участвовали былинские персонажи: ростовские витязи Александр Попович и Добрыня Золотой Пояс! – и богатырские поединки, которые происходили на дне оврага.

Ничего не решил и хитроумный маневр Мстислава Мстиславовича, двинувшегося было в сторону Владимира. Полки Всеволодовичей только выдвинулись из-за укреплений на Авдовой горе, но спускаться не стали, а остановились на склоне.

Вот тогда-то Мстислав Мстиславович и использовал скопленный в ходе «информационной» войны эмоциональный, идеологический ресурс.

– Братья! – обращаясь к новгородским ратникам, сказал он. – Мы вошли в землю сильную. Воззрим на Бога и станем крепко, не озираясь назад; побежавши – не уйдешь. Забудем, братья, жен, детей и свои дома. Кому не умирать? А к бою идите кто хочет, пеш ли, на конях ли.

– Не хотим умирать на конях, будем биться пеш, как отцы наши на Колокше! – как утверждает летопись, отвечали новгородцы.

Ссылка на битву на Колокше знаменательна.

Какой же крепкой должна была быть историческая память новгородцев, чтобы перед смертельной схваткой их могло воодушевить упоминание о битве, произошедшей в этих местах более столетия назад! Но, похоже, речь тут идет не столько об исторической памяти, сколько о памяти языческой...

Ведь прокричав свои столь похожие на заклинание слова, новгородцы спешили и начали разуваться и раздеваться.

Если спешивание можно объяснить неустойчивостью конного строя на склоне Авдовой горы (спускаясь и поднимаясь по взгорку, лошади падали), то обнажение ратников перед атакой в апрельском лесу проникнуто откровенной мистикой и носит характер языческого обряда.

Некоторые исследователи считают, что, обнажаясь, новгородцы обозначали свой уход из мира живых, но не в мир мертвых, а в особый мир, где человек готов и способен совершить невозможное.

Как бы то ни было, сбросив порты и сапоги, новгородцы с криками побежали по склону Юровой горы. Набрав скорость, они с ходу взлетели на Авдову гору и голые ударили на врага так, как могут

ударить люди, понимающие, что в чужой земле им не от кого ждать пощады.

«И бысть сеча зла, един перед другим хотел храбрость свою изъявить и врага победить. Тут слышати было ломание копий, стенание язвенных, топот конский, за которым ничего ратные не можаще друг по другу рещи, ни повелений воевод слышати, а от праху ничто можаху видети перед себя. Лияся кровь повсюду и падаша по обою сторону на месте там толико много, что никоему не бе поступити далее или назад. Никто же не хотел уступить...»

– Не дай бог, братья, выдавать этих добрых людей! – воскликнул Мстислав Мстиславович и повел в атаку свою конную дружину.

Все окончательно смешалось, и ростовский богатырь Александр Попович по ошибке чуть было не зарубил самого Мстислава Мстиславовича, но тот вовремя назвал свое имя. Алеша Попович с богатырской рассудительностью посоветовал тогда князю стоять в стороне от битвы, потому что в сумятице богатырям недосуг разбираться, где свои, где чужие.

Тем не менее то ожесточение, которое Мстислав сумел сообщить своим ратникам, тот уход полуголых новгородцев в особый мир, где человек, наполняясь силой земли, как бы властвует над своей смертью, помогло одолеть суздальцев. Дружинники Ярослава Всеволодовича дрогнули и побежали, а следом и Юрий Всеволодович тоже «вда плече».

6

Тогда и был потерян знаменитый шлем князя Ярослава Всеволодовича, который тот подарил перед сражением старшему брату Юрию Всеволодовичу.

В 1808 году этот шлем нашла местная крестьянка, и сейчас он хранится в Оружейной палате Московского Кремля...

Ну а в 1216 году хватало трофеев и без этого шлема. Победителям достался тогда весь суздальский обоз, все стяги, все боевые трубы и бубны Всеволодовичей.

А вот пленных было взято всего 60 человек.

Зато погибших суздальцев Никоновская летопись насчитала 17 200 человек.

«Кто не восплачется, – замечает по этому поводу Тверская летопись, – слышав эту горькую победу над своими братьями, стоны проколотых копьями и голоса раненых, ещё живых и крича-

щих от боли? Ибо многое множество избитых ум человеческий не может представить, не только на побоище груды мертвых, но и по многим местам лежали тела, некоторые мёртвые, а другие еще дышали; много же их пойманных и взятых в плен плакали горьким плачем, видя своих мёртвых и не погребённых».

Это был полный разгром...

22 апреля союзная рать подступила к Владимиру, где укрылся Юрий Всеволодович, и обложила город. В четверг 28 апреля 1216 года он с братьями Иваном и Святославом выехал из городских ворот и сдал столицу своего княжества.

Взамен Юрий Всеволодович получил во владение Радилев-Городец на Волге, город, где 57 лет спустя завершится земная жизнь его племянника, святого благоверного князя Александра Невского.

Впрочем, тогда, в 1216 году, Александр Невский еще не родился и, так складывались обстоятельства, мог бы и не родиться.

Константин Вячеславович помирил Мстислава Мстиславовича Удатного с побежденным зятем, и тот одарил и князей, и новгородцев дарами великими. Однако сам Мстислав забрал дары и свою дочь Феодосию (Ростиславу) и, не входя в город, выехал в станы за город. Ярослав же «многажды сылая с мольбою к Мстиславу, прося своеи княгини: князь же Мстислав не дась ему...»

Что произошло дальше и как удалось помудревшему Ярославу Всеволодовичу вернуть супругу, точно неизвестно. Возможно, сама Ростислава (Феодосия) умолила отца не разлучать ее с мужем. Возможно, как предполагают историки, сыграли свою роль внушения иерархов церкви. Однако, скорее всего, разгадка кроется в сложившейся на тот момент политической ситуации.

Пока Мстислав Мстиславович вразумлял на Липицком поле непокорного зятя, в его любимом Галиче сел с сильным гарнизоном венгерский король Коломан. Новая кампания хотя и не сразу, но завершилась новой победой Мстислава Мстиславовича. После заключения мира с венгерским королём и выдачи за его сына Андраша своей дочери Марии Мстислав Мстиславович окончательно утвердился в Галиче.

При подобной расстановке фигур надобность в Ростиславе (Феодосии) в этой южнорусской партии отпала, как, собственно, и в самом Великом

Новгороде. Скорее всего, именно поэтому и возвратил Мстислав Мстиславович зятю дочь вместе с новгородским приданым.

7

Вот несколько дат...

21 апреля 1216 года – битва на Липицком поле.

28 апреля 1216 года Юрий Всеволодович оставляет Владимир своему старшему брату Константину Всеволодовичу.

1218 год. Мстислав Мстиславович Удатный снова оставляет Новгород и отправляется на юг «поискать Галича». В Новгород, который стал не нужным ему, он больше не вернется, и новгородцы снова пригласят к себе княжить Ярослава Всеволодовича.

2 февраля 1218 года. Умирает Константин Всеволодович, умирая, он завещает Владимирский престол брату Юрию Всеволодовичу, с которым так долго и упорно воевал.

И все это происходит за два года, миновавшие после грандиозной битвы, в которой яростно бились и языческие силы, и богатыри, которые станут персонажами былины! И вот прошло всего два года, а результаты великой битвы, которая, как считал Л.Н. Гумилев, подорвала мощь Великого княжества Владимирского, сошли для ее победителей на нет, словно и не было никакого сражения!

Это непостижимо, в этом, рассеивающемся как мираж, одном из самых крупных побоищ тогдашней Руси, право же, больше таинственности и загадочности, чем в новгородцах, раздваивающихся донага перед яростной битвой...

И как тут ни крути, но только 30 мая³ 1220 года придает хоть какую-то осмысленность этим событиям.

Только дата рождения святого благоверного князя Александра Невского подводит черту под миражами и болотными огнями, в которые обратились рассеянные божьей волей темные силы. Уже самим рождением своим соединил он в себе киевские, степные просторы древнерусской культуры и корни рождающейся среди суздальских лесов и болот будущей московской государственности.

И, пытаясь постигнуть, какую же цель преследовал для себя Мстислав Мстиславович Удатный, организовывая одну из самых крупных междоусобных войн домонгольской Руси, возникает

ощущение, что именно соединению отца и матери Александра Невского и пытался помешать он, разжигая распрю Всеволодовичей.

Но хотя и увез Мстислав Мстиславович Феодосию (Ростиславу) из Переяславля, так и не удалось ему разлучить ее с Ярославом Всеволодовичем, потому что не обойтись было будущей Руси без их сына Александра.

И тут, анализируя итоги той междоусобной войны, пытаясь определить, кто же все-таки в результате победил в ней, мы можем сказать совершенно определенно и твердо, что победила тогда Божия Воля...

Глава вторая

НАПЕРЕГОНКИ С ИСТОРИЕЙ

Разумел еси, богомудре Александре, яко преходит образ мира сего, едино же есть на потребу человеком, еже благоугодити Господеви: сего ради измлада от любве к миру и яже в мире уклонился еси, возделев же zde сущими стяжати небесная...

Акафист Александру Невскому. Искос второй

Сын Ярослава Всеволодовича и Феодосии Мстиславовны рос и мужал, словно наперегонки с историей...

Ему было три года, когда прадед по матери, половецкий хан Котян Сутоевич, уговорил его деда, своего зятя, галицкого князя Мстислава Мстиславовича Удатного выступить против нового, неведомого доселе врага...

«По грехом нашим, приидоша языци незнанию, при великом князе Киевском Мстиславе Романовиче, внуце Ростиславле Мстиславне. Приидоша бо неслыханию безбожнии Моавитяне, рекомые Татарове, их же добре ясно никто же свесть, кто суть и откуда приидоша, и что язык их, и котораго племени суть, и что вера их... Бог един весть их; но zde вписохом о них памяти ради князей Русских и беды яже суть им от них...»

Беда эта произошла, когда понуждаемые Мстиславом Мстиславовичем Удатным князья киевские, галицко-волынские, черниговские и смоленские «труба за трубой, стяг за стягом, ставка за ставкой, земля за землей» вывели свои дружины в степь⁴, чтобы попытаться там остановить надвигающуюся опасность.

Это было едва ли не самое большое южнорусское ополчение, которое когда-либо собиралось, и насчитывало оно более ста тысяч воинов.

Мстислав Мстиславович первым столкнулся со сторожевым монгольским полком и погнал его, но, желая, как пишет Н.М. Карамзин, «один воспользоваться честью победы, не дал никакой вести о сражении» ни Мстиславу Черниговскому, ни Мстиславу Киевскому. Поэтому-то, когда монголы опрокинули войско Мстислава Мстиславовича, русские князья даже не успели изготавиться к битве и были изрублены где попало.

Часть князей пала в сече, часть стала основанием помоста, на котором монголы справили победный пир.

Мстиславу Мстиславовичу, главному виновнику поражения, удалось спастись, но большая часть его дружины, геройствовавшая в битве на Липице, осталась лежать в степи.

В этот скорбный для русской славы год, когда черные воды лесной Липицы, смешавшись со степною водою Калки, снова покраснели от крови, трехлетнего внука Мстислава Мстиславовича взяли из материнского терема и совершили над ним княжеский постриг.

После того как епископ остриг Александру волосы, отец, Ярослав Всеволодович, вывел его вместе с братом Федором из Спасо-Преображенского собора Переяславля и впервые посадил на коня.

1

После пострига начинается то, что называлось образованием князя.

Образовывался юный Александр по обычаям того времени.

Круг чтения составляли главные для православного человека книги – Евангелие, Псалтырь, Священное Писание. Еще – святоотеческие творения: поучения Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Лествичника, Кирилла Александрийского, Ефрема Сирина...

События всемирной истории постигались по Палям – обозрению событий от сотворения мира до начала христианства и гибели «жидовства». Отечественную историю юный князь изучал по летописям.

Тут нужно сказать, в чем принципиальное отличие русских летописей от прочих исторических со-

чинений. Авторами их были исключительно монахи, и уже в силу своего ангельского чина, занимаясь сбором и соединением в единое повествование исторических сведений, они менее всего стремились к созданию некоей выгодной для властей концепции отечественной истории, задача их заключалась в том только, чтобы выявить из хаоса событий божью волю. Когда летописцу не удавалось узреть ее, он ограничивался сухой констатацией событий, оставляя главный труд следующему за ним летописцу-переписчику, и тот спустя десятилетия или даже столетия, освобожденный от мельтешения сиюминутных пристрастий, прояснившимися глазами прозирал то, что и необходимо было прозреть.

Русские летописи очень условно можно считать учебником истории. Русские летописи – это всегда попытка постижения божьей воли.

Вглядываясь в запечатленные летописью события минувших лет, и постигал юный Александр божью волю в тех событиях, которые происходили по повелению или по своеволию прежних князей, многие из которых были его родными.

И, наверное, в этом постижении, в этом молитвенном прозрении и происходило то, что называется образованием князя, который необходим был Руси для определения ее Пути в будущее...

Ну и, конечно, обучение грамоте и письму совмещалось с развитием в юном князе силы и храбрости, обучали его и самому ратному делу – верховой езде, стрельбе из лука, владению мечом. «Кто из вас горазд стрелять из луку из каленого?» – пелось тогда в песне. И не просто стрелять, а «чтобы прокатилась стрелочка каленая... и попала бы в колечко серебряное».

«Княжича сызмала брали на лов, – пишет Н.А.Клепинин. – Со своего коня он видел облавы на туров, оленей и лосей. Потом, когда он подрастал, его приучали поднимать с рогатиной медведя из чащи. Это была опасная охота. Но и впереди княжича ждала опасная жизнь. Молодые князья рано узнавали жизнь со всей ее суровостью и грубостью. Иногда уже шестилетних княжичей брали в поход. Поэтому для них с молодых лет, наряду с играми, благостью церковной жизни и тишиной терема, были ведомы война, кровь и убийство».

Князь Александр Ярославич с успехом постигал науки и, как утверждает его Житие: «взором превосходил всех людей; голос его был, как труба в народе;

лицо, как лицо Иосифа, которого поставил египетский царь вторым царем после себя в Египте; сила его была часть от силы Сампсоновой. И дал ему Бог премудрость Соломона, а храбрость римского царя Веспасиана, пленившего Иудейскую землю...»

На миниатюрах того времени мы видим Александра в золоченом шлеме с чеканной иконой Архангела Михаила на челе. Поверх кольчуги юного князя – чешуйчатый доспех с выпуклой пластиной на груди.

На руках стальные створчатые наручи.

В самое время облекся юный князь в тяжелые боевые доспехи.

2

После того как в 1218 году Мстислав Мстиславович Удатный отправился в Галич, в Новгороде княжили малолетние отпрыски княжеских семей, и они не задерживались, меняясь по несколько раз в год. В 1222 году новгородцы выпросили князем себе сына Юрия Всеволодовича, но тот, как пишет Н.М. Карамзин, «по желанию своих бояр, не находивших для себя ни выгод, ни удовольствия в Новгороде, тайно собрался ночью и со всем двором уехал к отцу».

Вот тогда и решили в Новгороде снова призвать на княжение Ярослава Всеволодовича, дружину которого с такой яростью уничтожали на Липицком поле. Позабывать былую ненависть к князю их заставила нужда – очень уж беспокойно становилось на западных границах.

Там тогда действительно творилось невообразимое.

Датский король Вольдемар II, «желая очиститься от грехов», высадил войско на берегах Финского залива и в кровопролитной битве одержал победу над местными, подвластными Новгороду жителями.

К тому же во время битвы случилось чудо. Красное знамя с белым крестом упало из облаков в руки датчан, и им пришлось основывать новый, Дабнеброгский, орден.

Но рижские немцы еще до датчан начали приобщать местное население к истинной, как они утверждали, вере. Усиливая неразбериху, явились и шведы, тоже заявившие о своем желании крестить эстонских язычников.

«Бедные жители, – пишет Н.М. Карамзин, – не знали, кого слушаться: ибо их мнимые просветите-

ли ненавидели друг друга, и датчане повесили одного чудского старейшину за то, что он дерзнул принять крещение от немцев. В сей крайности народ эзельский вооружился, побил шведов, взяв приступом новую крепость, основанную датчанами на Эзеле. Скоро мятеж сделался общим в разных областях Ливонских: граждане Феллина, Юрьева, Оденпе согласно изъявляли ненависть к немцам; умертвили многих рыцарей, священников, купцов, и мечи, обагренные их кровию, были посылаемы из места в место в знак счастливого успеха. Уже все жители северной Ливонии торжественно отреклись от Христианства, вымыли свои дома, как будто бы оскверненные его обрядами, разрушили церкви и велели сказать рижскому епископу, что они возвратились к древней Вере отцов и не оставят ее, пока живы. В сих обстоятельствах старейшины их призвали Россиян в города свои, уступили им часть богатства, отнятого у немцев, и послали дары к Новгородскому князю, моля его о защите».

Очень заманчиво для Новгорода было ввязаться в эту заваруху, только как сделать это, не имея настоящего, боевого князя?

Но если резоны, толкнувшие новгородцев вновь отдаться под власть столь ненавистного им еще несколько лет назад князя, понять можно, то с самим Ярославом Всеволодовичем все обстоит сложнее. Он-то слишком хорошо знал, чем может завершиться княжение в Великом Новгороде. Та голая новгородская ярость, что обрушилась на него в битве под Липицами, слишком свежа была в памяти.

И тем не менее он согласился вернуться в Новгород...

3

Недобрые предчувствия не обманули Ярослава Всеволодовича.

В 1226 году, когда литовцы начали грабить торопецкие, новгородские, смоленские и полоцкие земли, Ярослав Всеволодович совместно с Давидом Мстиславовичем Торопецким и братом его, Владимиром Псковским, настиг грабителей близ Усвята, многих литовцев перебил, а пленников освободил. Победу эту омрачило то, что новгородцы в этом походе князя участвовать не стали. Дойдя до Русы, они самовольно возвратились назад.

Тем не менее Ярослав Всеволодович и на следующий год воевал, защищая новгородские интере-

сы. Опустошив Финляндию, он отправил священников в Корельскую землю, где, как сообщает Н.М. Карамзин, «не употребив никаких мер насильственных, крестил большую часть жителей, уже давно подданных Новагорода и расположенных добровольно к принятию Христианства».

Но и эти действия не сыскали ему ни любви, ни благодарности новгородцев.

Ярко проявилось это, когда Ярослав Всеволодович попытался принудить псковичей включиться в борьбу с надвигающейся с Запада опасностью.

«Князь Ярослав! – отвечали тогда псковичи. – Кланяемся тебе и друзьям новгородцам; а братьев своих не выдадим и в поход нейдём, ибо немцы нам союзники... Вы восстаете против нас: но мы готовы ополчиться с Святою Богородицею. Идите, лейте кровь нашу; берите в плен жен и детей: вы не лучше поганых».

И хотя в борьбе с немецким орденом сам Новгород был заинтересован более князя, но новгородцы не поддержали его в противостоянии с Псковом. Более того, жалуясь на дороговизну, которая установилась после прибытия в Новгород переяславской рати, они заявили, что, подобно псковичам, не желают более воевать с немецким орденом, и потребовали, чтобы князь увел из города свои полки.

Ситуация была провокационно-критическая.

Нетрудно рассчитать, как бы повел себя прежний Ярослав Всеволодович...

Однако теперь мы видим совершенно другого князя. Необузданность порывов сменилась в нем выдержкой и расчетливостью, незнакомой, кажется, прежним русским князьям. Ярослав ушел тогда с полками, оставив сыновей, Феодора и Александра, «во всей воле новгородской».

Отметим попутно, что нежелание псковичей и новгородцев противостоять немецкой экспансии, чрезвычайно обрадовало Папу Римского Гонория III.

«Ваши заблуждения в Вере раздражают Небо и причиною всех зол в России, бойтесь еще ужаснейших, если не обратитесь к истине, – обращаясь к русским князьям, писал он. – Увещаем и молим, чтобы вы письменно изъявили на то добрую волю чрез надежных Послов, а между тем жили мирно с Христианами Ливонскими».

И точно, «ужаснейшие» последствия не заставили себя ждать.

«С сего времени Новгород был несколько лет

жертвою естественных и гражданских бедствий, – пишет Н.М. Карамзин. – От половины августа до самого декабря месяца густая тьма покрывала небо и шли дожди беспрестанные; сено, хлеб гнили на лугах и в поле; житницы стояли пустые. Народ, желая кого-нибудь обвинить в сем несчастье, восстал против нового Владыки Новгородского, Арсения... Новгородцы... разграбили дом Тысяцкого, Стольников Архиерейского и Софийского, хотели повесить одного Старосту и кричали, что сии люди наводят Князя на зло».

Кипела, бушевала новгородская вольница...

Составлялись заговоры, злая смута ходила рядом с княжьим теремом...

«Небо, – говорил летописец, – оскорбленное сими беззакониями, от коих ангелы с печалью закрывают лица свои крылами, наказало мое отечество...»

Когда новгородцы потребовали от Ярослава Всеволодовича, чтобы он немедленно ехал в Новгород, снял налог церковный и запретил княжеским судьям ездить по области, братья-княжичи бежали в Переяславль-Залесский.

Еще не раз будет уезжать Александр Невский из Новгорода, изгоняемый нетерпеливым и своевольным новгородским вече, но та февральская ночь, когда девятилетним мальчиком скакал он сквозь темный лес, запомнилась навсегда...

4

И все-таки твердая и расчетливая политика Ярослава Всеволодовича приносила свои плоды.

Вроде и не начинает он, как в годы молодости, боевых действий против своевольного Новгорода, но влияние его укрепляется там. Постепенно новгородцы начинают осознавать необходимость присутствия в городе Ярослава Всеволодовича.

И Псков удалось смирить князю, не прибегая к военным действиям...

Глубоко верующий, благочестивый, суровый и замкнутый, «с прорывами гнева и милосердия», – таким встает он со страниц летописей.

Как пишет Н.М. Карамзин, только князь Даниил Галицкий в юго-западной России мог сравниться с ним в способностях ума и в душевной твердости.

«Сии два Князя, связанные дружбою и новым свойством (ибо Василько Романович женился на Великой Княжне, дочери Георгия Всеволодовича), сблизились тогда в своих владениях. Союзник и

родственник Михайлов, Изяслав недолго величался на троне Киевском: Владимир Рюрикович изгнал его, выкупив себя из плена; но вследствие переговоров Данииловых с великим Князем Георгием долженствовал уступить Киев Ярославу Всеволодовичу, который, оставив в Новгороде сына своего, юного Александра, поехал княжить в древней столице Российской...»

Это случится в 1236 году, а за два года до этого, зимой 1234 года, Ярослав Всеволодович предпринял поход на Дерпт (Тарту), в котором участвовал и его четырнадцатилетний сын Александр.

Участвовал Александр и в «ледовой» битве с ливонскими рыцарями на реке Омовже (Эмайыге). Ливонских рыцарей удалось тогда вразумить и заключить мир на условиях, выгодных для Новгорода, но еще ближе придвинулась гибельная сеть, заводимая темными силами на Святую Русь...

Уже в следующем, 1235 году курултай в Каракоруме принял решение послать Тулуя, младшего сына Чингисхана, завоевывать южный Китай.

Средний сын, Чаадай, должен был покорить Персию.

Внуку Чингисхана Батыю было поручено завоевать Европу и расширить улус Джучи «до последнего моря».

С трехсоттысячной ордой Батый двинулся от Иртыша на запад, присоединяя к себе по мере продвижения кочевые орды. Вступив в поволжские степи, Батый послал Субудая Багадуря воевать камских болгар. Осенью 1236 года земля болгар была завоевана и опустошена.

Было тогда князю Александру шестнадцать лет.

Он, как пишет Н.А. Клепинин, выросал из своего рода. Только вместо неподвижной, медленной тяжести характера отца и дедов в нем была ясность, легкость сердца, быстрота мысли и движений. «Он унаследовал от предков серьезность взгляда, сдержанность и умение переживать и таить в себе свои думы. Во всей своей деятельности он является преемником суздальских князей, ни в чем не ломает родовых традиций, лишь преображая их благоуханием своей святости».

Семнадцать лет было Александру, когда на западе Орден меченосцев Ливонии объединился с Тевтонским орденом Пруссии, а из волжских степей двинулось на Русь войско Батыя.

Князь Ярослав Всеволодович не знал этого, но,

уезжая в 1236 году на княжение в Киев, он посадил шестнадцатилетнего Александра на новгородском столе.

– Крест будет твоим хранителем и помощником, а меч твоею грозой! – сказал он сыну перед алтарем Софийского собора. – Бог дал тебе старейшинство между братьями⁵, а Новгород Великий – старейшее княжение по всей земле Русской!

С крестом и мечом и видим мы благоверного князя Александра на иконах.

С крестом и мечом стоял семнадцатилетний князь, когда осенью 1237 года из волжских степей двинулись на Русь монголы.

5

Страшным на Русской земле был этот 1237 год от Рождества Христова.

Первой на пути полчищ Батыя встала Рязань.

Шесть дней штурмовали татары город и 21 декабря ворвались в Рязанский Кремль.

Страшная участь ждала защитников. Людей убивали, заживо жгли, распинали. Не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков, ни монахов. «И не осталось в городе никого, – свидетельствует очевидец, – ни стонущих, ни плачущих, ибо все были мертвы».

Уцелел только рязанский боярин Евпатий Коловрат, который находился во время расправы далеко от Рязани. Он вернулся в сожженный город, когда татары уже покидали разоренное Рязанское княжество. Воины Евпатия Коловрата настигли их и стремительным ударом смяли их арьергард.

«Изумленные татары думали, что мертвецы Рязанские восстали, и Батый спросил у пяти взятых его войском пленников, кто они? – пишет Н.М. Карамзин. – Слуги Князя Рязанского, полку Евпатиева, ответствовали сии люди: нам велено с честью проводить тебя, как Государя знаменитого и как Россияне обыкновенно провождают от себя иноплеменников: стрелами и копьями. Горсть великодушных не могла одолеть рати бесчисленной: Евпатий и смелая дружина его имели только славу умереть за отечество...»

Чудеса героизма проявляли русские люди, но ничто не способно было остановить завоевателей. Татарское нашествие захлестнуло Русь огнем и кровью.

«За умноженье беззаконий наших попусти Бог по-

ганыя, не аки милуя их, но нас кажа⁶, да быхом встягнулися от злых дел», – отмечает Лаврентьевская летопись.

А татары шли все дальше и дальше – в глубь русской страны.

3 февраля они встали перед Золотыми воротами Владимира.

5 февраля – сожгли Суздаль.

7 февраля пал Владимир.

И здесь все жители города были перебиты. В соборной Богородичной церкви заживо сожгли епископа Митрофана, великую княгиню с детьми, народ, набившийся в храм в поисках спасения.

К концу февраля пали Юрьев, Дмитров, Волоколамск, Тверь, а татары «идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городец, и ти плениша все по Волге, даже и до Галича Мерьского, а ини идоша на Переяславль и то взяша и оттоле всю страну и гради многа плениша»...

Великий князь владимирский Юрий Всеволодович, оставивший свою столицу, собирал тогда в глубине ярославской земли войска, чтобы совместными силами дать отпор татарам.

На реку Сить пришли к нему со своими дружинами князь юрьевский Святослав Всеволодович, князь ростовский Василько Константинович, князь ярославский Всеволод Константинович, князь угличский Владимир Константинович...

Но 4 марта татары обрушились на еще не изготовившиеся к сражению русские войска, и каждая русская рать приняла тогда смертельный бой там, где и стояла.

Они бились возле Божонки и Могилыцы...

Возле Колегаево и Станилово...

Возле Семеновского и Сить-Покровского...

Возле Юрьевского и Городища...

Возле деревни Игнатовой и на ручье Войсковом...

От верховьев до среднего течения Сити, где сейчас село Красное, потекла, захлестывая берега, русская кровь.

Погибли тогда основатель Нижнего Новгорода пятидесятилетний великий князь владимирский святой Юрий Всеволодович и его племянник святой Всеволод Константинович. Другой племянник Юрия, князь ростовский святой Василько Константинович, был умерщвлен татарами в Шеренском лесу между Кашином и Калязином...

Убили и святого благоверного князя ярославского Всеволода.

С тех пор и стали кладбища, как утверждают путеводители, особой чертой ситского пейзажа. Если увидишь островки соснового леса среди полей, знай, что это непременно курганные группы...

Ростовский епископ Кирилл, возвращаясь из Белоозера, побывал на берегах Сити, пытаясь найти среди груд мертвецов тело великого князя Юрия Всеволодовича. Он узнал тело по княжескому одеянию; но головы тут не было. Кирилл взял, как пишет Н.М. Карамзин, «сии печальные остатки знаменитого Князя и положил в Ростовском храме Богоматери».

Туда же привезли и тело Василька Константиновича...

А татары шли дальше, и уже некому было сопротивляться нашествию, и везде, где стояли цветущие города, распускали свои черные крылья пепелища. И зарастали русские дороги бурьяном, колочки семян которого принесла на Русь на лошадиных хвостах татарская конница...

6

Всего в ста верстах от Новгорода – татарской коннице хватило бы и дня, чтобы покрыть это расстояние! – раскинулось село Игнач Крест⁷.

Здесь татары повернули назад, и злая участь, ожидавшая Великий Новгород, досталась тогда Козельску. Все жители были безжалостно истреблены. Погиб при штурме и малолетний князь Василий. Он утонул в текущей по улицам крови.

Историки считают, что монголы отвернули от Новгорода, опасаясь новгородских лесов и болот.

Может быть, и так...

Хотя непонятно, почему этот страх охватил их, когда уже столько русских болот и лесов осталось за спиной...

Существует и другая версия – сговора князя Ярослава Всеволодовича с татарами. В пользу ее свидетельствует то, что действительно ведь не пришел Ярослав Всеволодович на берега Сити, чтобы поддержать своего родного брата Юрия Всеволодовича, как тот некогда поддерживал его в битве при Липице.

Опять же и дальнейшая карьера Ярослава Всеволодовича, уже под властью татар, не противоречит версии сговора. Во Владимир он перебрался

сразу после кончины Юрия Всеволодовича, приехал, как говорил Н.М. Карамзин, господствовать над развалинами и трупами.

Так что вполне мог Ярослав Всеволодович, прошедший университеты новгородского вече, проявить определенную осторожность по отношению к татарам, которая, правда, так и не спасла от разорения его Переяславль.

Очень вероятно и то, что новгородцы предложили татарам выкуп, и передать его могли как раз где-то возле Игнач Креста. Все это в духе новгородской политики, хотя и непонятно, почему об этом в летописях не сохранилось ни слова...

Получается, что если события сговора и выкупа, возможно, и происходили, но их как бы и не было...

А если они и были, то не совсем такие.

И не совсем тогда...

Просто обстоятельства вынуждали участников событий действовать определенным образом... Они могли бы действовать иначе, но тогда бы их не было, как не было бы, возможно, и самой нашей страны.

Так, может, и не следует приискивать лукавых объяснений? Может быть, просто надо повторить такие простые и такие мудрые слова, что «нельзя не удивляться судьбам Божественного Промысла, сохранившего для России невредимым князя Ярослава Всеволодовича и его семейство, точно Ноя в ковчеге, среди ужасов гибели и разорения»...

И великой заслугой Ярослава Всеволодовича должно считать, что он сумел правильно распорядиться этой божией милостью.

Мы знаем, что хотя Новгород и не был разорен, но уже в 1239 году отправился Ярослав Всеволодович в Орду, чтобы установить на востоке мир, под прикрытием которого и удастся его сыну Александру отбить нашествие крестоносцев с запада.

7

Великая судьба была уготована князю Александру Ярославичу...

Всего один год разделяет день, когда повернула вспять у Игнач Креста монгольская конница, с днями, когда напишет ярл Биргер новгородскому князю: «Если можешь, сопротивляйся. Знай, что я уже здесь и пленю землю твою!»

И этот год не впустую был потрачен новгородским князем.

«В этой обстановке, – говорит в книге «Новгородские посадники» В.Л. Янин, – значение союза Новгорода с князем должно было возрасти неимоверно. В летописном рассказе о событиях этих лет фигура князя Александра занимает центральное место. Летописец сообщает о мерах по укреплению обороны Новгородской земли (постройка городков на Шелони), женитьба Александра на дочери полоцкого князя, укрепившей военный союз территорий, находящихся в наиболее угрожаемом положении».

Действительно, самое подходящее слово для этого года – укрепление. Укреплялись новгородские рубежи, укреплялась княжеская дружина, укреплялся сам князь...

В 1239 году он обвенчался с полоцкой княжной Александрой Брячиславной. Родственница преподобной Евфросинии Полоцкой становится женой князя, которому предстоит стать святым...

О венчании известно немного.

Было две свадьбы, или, как говорили тогда, две каши. Само венчание происходило в Торопце, перед чудотворной Корсунской иконой Богоматери⁸.

А главные свадебные торжества прошли на берегах Ильменя.

Здесь, на свадьбе князя Александра Ярославича с Александрой Брячиславной, гулял весь Великий Новгород. Вельможи и воеводы, купцы и иереи, кузнецы и плотники праздновали превращение своего князя в мужа.

Семь столетий спустя, в первые дни Великой Отечественной войны, Анна Ахматова скажет:

*Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.*

Час мужества наступал в 1240 году и для Великого Новгорода, и для его князя – Александра Ярославича...

Глава третья
НЕВСКОЕ ЧУДО

*Имяй всегда пред очами своими Господа,
трезвенно пожил еси, блаженне Александре, и вся яже
творил еси, творя во славу Божию, угодил еси Богу...*

Акафист Александру Невскому. Искос третий

Не только татары обрушились тогда на Русь. Нашим согражданам, высмеивающим подозрительное отношение к Западу, неплохо вспоминать время от времени, что именно в страшную годину татаро-монгольского нашествия, 9 декабря 1237 года, Римский Папа Григорий IX издал буллу, возвещающую крестовый поход на Русь. Добивая православную страну, крестоносцы должны были нанести удар в спину израненной Руси, по нетронутым татарами новгородским землям...

Разгром и покорение северной Руси готовились Западом планомерно и целеустремленно.

Орден меченосцев, как мы уже говорили, усилили слившимся с ним Тевтонским орденом. Рыцарям пришлось пожертвовать частью владений в Ливонии, но взамен римский понтифик разрешил им вознаградить себя покоренными псковскими землями.

А на соединение с меченосцами, с северо-запада, двинулись на Русь шведы. Шведских героев Папа Римский сулил вознаградить новгородской землей.

Ярл Биргер, бывший, по преданию, зятем короля Эрика, возглавил крестовый поход.

– Туда спешите, братья! – показывая комету, вставшую на востоке, торопили римские эмиссары. – Вот вам небесная путеводительница!

1

Война, даже когда готовишься к ней, никогда не приходит вовремя.

Но крестоносцы Биргера сумели выбрать особенно неудачный для новгородцев момент – великий князь Ярослав Всеволодович находился в Киеве... Владимирское и Муромское княжества были опустошены, и рассчитывать на их помощь не приходилось.

И времени, чтобы собрать ополчение, тоже не оставалось. Слишком быстро, «пыхая духом ратным», действовал ярл Биргер.

В начале июля 1240 года шведские корабли вошли в Неву, встали в устье Ижоры и начали со-

оружать, как сказано в Лаврентьевской летописи, «обрытья».

Шведские «обрытья» на берегах Невы в устье Ижоры могли подорвать всю новгородскую экономику, но новая крепость сооружалась не только для того, чтобы преградить исконные новгородские торговые пути.

Она становилась плацдармом для последующей экспансии. Здесь шведские крестоносцы могли спокойно дожидаться приближения немецких рыцарей, чтобы совместно с ними приступить к покорению новгородской земли. Нельзя было допустить этого соединения сил неприятеля. Противостоять объединенному войску крестоносцев новгородским ратникам было бы уже не по силам.

Юный князь Александр Ярославич не растерялся в минуту грозной опасности.

Когда пришло известие о высадке шведов, он первым делом отправился в храм Святой Софии.

Мерцали перед образами свечи...

В гулкой тишине звучали слова молитвы вставшего перед алтарем князя:

– Владыка прещедрый! Слыши слова похваляющихся разорити святую веру православную! Стань в помощь мне! Ты бо еси Бог наш и на Тя уповаем!

Новгородский архиепископ Спиридон благословил князя.

Момент благословения запечатлен на рисунке летописи⁹.

Поднятая в благословении рука владыки Спиридона словно бы очерчивает нимб над головой склонившегося князя.

И воистину, разительная перемена происходит в это мгновение в нем. Когда Александр Ярославич вышел из Корсунских ворот, перед которыми выстроилась его небольшая дружина, он уже знал, на какую войну предстоит идти. Не только себя, не только Великий Новгород предстояло защитить ему. Предстояло отстоять от злого врага западные рубежи русского православия.

– Не в силе Бог, но в правде! – прозвучали над притихшей площадью великие слова¹⁰.

Грозная упругость лука, в который уже вложили стрелу, была в этих словах двадцатилетнего князя. Как стрела, пущенная рукою Господней, устремилась навстречу врагу дружина Александра...

Ярл Биргер, отправляя надменное послание Александру Ярославовичу, откровенно глумился

над ним, потому что знал: силы, которыми располагает князь, не смогут противостоять его войску. Знал Биргер, что и помощи из разоренной татарами Руси Новгороду не будет.

Биргеру оставалось только дожидаться немецких рыцарей, и тогда уже никому не удалось бы разжать клещи, сдавившие северо-восток Руси...

Гордо белели на берегу шатры крестоносцев.

Привязанные бечевами к берегу, лениво покачивались шведские шнеки.

Даже и представить себе не мог ярл Биргер, что несколько часов спустя это выбранное для отдыха место превратится в поле кровавой битвы...

Неведомо было надменному крестоносцу, что Александр Ярославович уже «разгорелся сердцем... и восприим Псаломную песнь рече: суди, Господи, обидящим мя, возбрани борющимся со мною, прими оружие и щит, стань в помощь мне».

И представить не мог Биргер, что Александр двинулся в поход «в мале дружине, не сождався со мною силою своею, но уповая на святую Троицу»...

2

Когда Александр приблизился к устью Ижоры, его встретил ижорский старейшина Пелгусий, крещенный в православие и нареченный Филиппом...

Пелгусию поручено было наблюдать стражу, он всю ночь провел без сна и на восходе солнца услышал грозный шум.

Прямо по небу плыла ладья, на которой в багряных одеждах стояли святые мученики Борис и Глеб. Руки святых лежали на плечах друг у друга, а гребцы были как бы одеты мглою.

И стояли в ладье двое юношей в ризах червлених...

На челе их, что солнце, сияли венцы,

И окутаны мглою сидели гребцы...

Словно два серафима спустилися с ясного неба...

И признал в них Пелгусий святого Бориса и Глеба.

– описывал это чудо поэт А.Н. Майков.

С «радостными очима» рассказывал Пелгусий о своем видении. Князь Александр слушал его и смотрел на солнце, встающее над лесом.

Первые лучи уже упали на землю, согревая ее, и над землей клубился легкий дымок...

– И я слышал, – держась за княжеское стремя, рассказывал Пелгусий, – слышал, как Борис ска-

зал: «Брат Глеб! Вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру Ярославичу»¹¹.

Поверх головы Пелгусия смотрел князь на лес, за которым находился лагерь ярла Биргера, на встающее над лесом солнце, и ему открывалось то, что не мог постигнуть ижорский староста: это предок Александра Ярославича, равноапостольный князь Владимир послал на помощь ему, своему праправнуку, своих сыновей.

Всё выше поднималось из-за леса солнце.

Разгорался день 15 июля 1240 года – день, когда празднует Русская Православная Церковь память святого равноапостольного князя Владимира, прапрадеда Александра.

Князь тронул застоявшегося коня.

– С Богом! – сказал он и взмахнул рукой.

3

Как стрела, пущенная рукою Господней, летел впереди дружины юный князь.

Подобно удару небесной молнии был его натиск.

Не успели шведы опомниться, как новгородские дружинники уже прорвались в центр лагеря.

«Бысть бой силен зело, ужасен и страшен...»

Князь Александр «собственным копьем возложил печать» на лицо Биргера, а отрок Савва в это же мгновение подрубил топором столб, поддерживающий златоверхий шатер надменного ярла.

Преследуя бегущих шведов, дружинник Гаврила Алексич верхом на коне взлетел по трапу на корабль за врагами. Его сбросили с конем в воду, но Гаврила остался невредим и, выбравшись на сушу, продолжал рубиться мечом со шведским воеводой.

Отважно крушили шведов дружинник Сбыслав Якунович и ловчий князя Яков Полочанин. А новгородец Миша прорвался со своей пешей дружиной на шведские корабли и начал топить их¹²...

Разгром был полный и сокрушительный.

И валилися шведы валежником хрупким,

со смертной тревогой,

Убегая от божией страшной грозы

ни путем, ни дорогой:

По лесам и оврагам костями они полегли,

Там, где даже дружинники князя

за ними погоней не шли...

– писал Лев Мей.

Так бесславно и завершился крестовый поход на Русь¹³.

Каково же было удивление дружинников, когда на следующий день они обнаружили на другом берегу Ижоры ещё одну поляну, усеянную трупами врагов.

Кем были сражены они?

Не ангелом ли Господним?

И, отвечая самим себе, уже как пророческие повторяли дружинники слова князя, сказанные на Соборной площади в Новгороде...

– Нас мало, а враг силен. Но не в силе Бог, а в правде!

Хваля и славя Бога, возвращалась дружина в Новгород, от которого удалось им отвести страшную беду.

Вперед дружины на коне ехал князь Александр Ярославич.

Он был уже Александром Невским.

4

Вопрос о том, когда начали называть князя Александра Ярославовича Невским, приобрел в последнее время особую актуальность. Основываясь на том, что с этим прозвищем имя князя встречается только в летописях конца XV века, некоторые исследователи делают вывод, что «Невским» назвали Александра Ярославовича летописцы спустя два века после его кончины. Мысль о том, что составители летописей конца XV века могли пользоваться (и наверняка пользовались!) первоисточниками, которые просто не дошли до нас, этим исследователям почему-то в голову не приходит. Более того, поскольку в летописях упоминаются сыновья и внуки Александра Ярославовича с приставкой – «Невские», делается вывод, что прозвище святого благоверного князя скорее всего вообще связано не с Невской битвой, а произведено от земельных владений, которые, возможно, имелись у Александра Ярославовича на берегах Невы!

Желание во что бы то ни стало развенчать национального героя мешается в подобных умозаключениях с откровенной пародией на историческую науку. Выстраивая подобным образом «научную» аргументацию, нетрудно объявить далее, что совсем не за Русь и не за веру православную бился святой благоверный князь на берегах Невы, а за свои собственные земельные угодья...

Тем не менее и более серьезные исследователи, чуждающиеся псевдонаучной исторической фантастики, скептически оценивают значение Невской битвы на том основании, дескать, слишком уж мало народа погибло в той сече.

Действительно, и до Александра Невского, и после него столько было великих полководцев, добросовестно заваливавших поля сражений трупами своих и чужих воинов, что битва на Неве теряется среди этих кровавых пиршеств.

Но ведь святой князь Александр Невский и не ставил перед собою задачи пролить побольше вражеской крови! Защищая новгородские пределы, ему надобно было лишь отразить нашествие, и он, не позволив шведским крестоносцам соединиться с немецкими рыцарями, с ювелирной точностью нанес разящий удар и разгромил 15 июля 1240 года на Неве силы тогдашнего НАТО¹⁴.

Разумеется, можно согласиться, что Александр Ярославич мог бы носить прозвище Псковского или Чудского, ибо эти будущие победы в стратегическом плане не менее значимы, нежели Невская битва, а по масштабам намного превосходят ее, но всё же народная молва не ошиблась, выбрав Александру имя. Невская битва – это нечто большее, чем просто выигранное сражение.

Ведь шел тогда 1240 год.

Уже пал Киев – «мать городов русских». Лучшие монгольские полководцы Субэдай, Бурундай, Менгухан предавали огню и мечу юго-западные пределы Руси...

Немецкие крестоносцы тоже не теряли времени. В 1240 году они взяли Изборск и Псков.

Поражения, поражения, поражения...

Казалось, что раздробленная, истекающая кровью междоусобиц, сожженная татарами Русь гибнет сейчас навсегда и безвозвратно.

И тут – Невская битва! Она произошла как явление Господом Чудо, свидетельствующее, что страна сохранится, что Русь нужна Богу и Он возродит ее в новой силе и славе.

Не столь уж и значительное в военном смысле сражение на Неве становилось обетованием Московской Руси, идущей на смену Руси Киевской.

И совсем не случайно – мы, далекие потомки Александра Невского, ясно видим это! – была одержана судьбоносная победа в нескольких километрах от нынешнего Санкт-Петербурга, на

подступах к городу, на улицы которого никогда не ступит нога чужеземного захватчика...

Стремительно перешагнула новгородские рубежи слава молодого князя, ибо все увидели, что это он и избран к спасению Русской земли...

И только в самом Новгороде этого значения победы Александра Невского – увы! – постигнуть не смогли. Как водится, с честью встретили князя и его дружину, но опасность миновала, и город вскоре погрузился в обычные заботы. Поссорившись с новгородскими боярами в ноябре того же 1240 года, князь Александр Невский вынужден был покинуть город. Зимой того же года с матерью, женой и всем княжым двором он уехал в Суздаль.

5

Новгородом тогда управляло вече.

Когда враг подходил к рубежам, смолкал вечерний шум, новгородцы искали защиты у князя. Но вот отступала непосредственная опасность, и город снова возвращался к вольной жизни, снова стремился ввести княжескую власть в обозначенные пределы. И не всегда, не всегда побеждала мудрость.

Хитрость и расчет руководили боярами, выживавшими из города Александра Невского. Слишком велико становилось значение князя. Слишком большое приобретал он влияние. Зачем новгородским боярам такой князь? Теперь, когда опасность осталась позади, можно было подобрать другого князька, незаметнее, послушнее...

Но хитрость всегда близорука. Выжив Александра Невского из города, бояре позабыли, что в эту грозную пору Новгороду надобен не послушный князь, умеющий ладить с нужными людьми, а великий полководец, который способен побеждать врагов, чтобы защитить землю...

Как только покинул Новгород Александр Ярославович, меченосцы снова пришли в новгородские владения и, обложив данью чужд и воев, воздвигли на новгородской земле город Копорье. А когда они взяли городок Тесово, расположенный в тридцати верстах от Новгорода, стало понятно, что никакая боярская хитрость не способна помешать этой неумолимой экспансии.

Папа Римский Григорий IX в новой булле от 6 июля 1241 года призвал теперь уже норвежского короля содействовать «крестовому походу... против язычников в землях соседних»¹⁵.

Новые клещи налаживал Рим, чтобы на этот раз уже наверняка раздавить непокорную Русь.

«В тот же год, наученные диаволом, немцы и иезуиты православной веры, собравшись войском, внезапно подошли к Изборску и взяли его. Были же тут медвежане, юрьевцы, велияжане с князем Ярославом Владимировичем. Этот Ярослав Владимирович был внуком Рюрика Киевского, правнуком Ростислава Мстиславовича: он бежал от Батыева нашествия в Ливонию и был там князем в Медвежьей голове».

И спохватились новгородцы...

Срочно было снаряжено в Переяславль-Залесский посольство во главе с архиепископом Спиридоном, чтобы призвать Александра Невского назад...

Нет... Не стихла обида в молодом князе. Но не себялюбие, не злорадство жили в этом наполненном истинной верой сердце, а подлинная мудрость и подлинное величие. Великодушно простив нанесенные ему обиды, князь Александр Невский возвращается в Новгород, когда немецкие рыцари хозяйничали уже в тридцати верстах от города, облагая данью население и грабя купцов.

И снова стремительны, как полет разящей стрелы, боевые походы князя.

Не дожидаясь, пока будут изготовлены новые латинские клещи, уже осенью 1241 года он нанес удар по немецким рыцарям – срыл крепость в Копорье, служившую опорным пунктом немцев, а когда орденские братья захватили в ответ Псков, отправился походом в чудскую землю.

Перерезав все пути, которые связывали орден и немецкие епископства в Прибалтике с Псковом, Александр Невский неожиданным ударом с запада освободил Псков.

Это было крупным успехом, но его было слишком мало, чтобы обезопасить Русь от латинского нашествия.

Эта победа давала передышку только на время...

Александр Невский не успокоился, ибо понимал, что главное сражение еще впереди...

6

Он искал его, и все случилось, как в пословице: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Передовой отряд Александра Невского, которым командовал Домаш Твердиславович, брат нов-

городского посадника, был разбит немцами у местечка Мосте возле реки Лутсу. Погиб и сам Домаш Твердиславович, и большинство воинов. Лишь немногие сумели уйти от смерти.

Эта небольшая победа чрезвычайно воодушевила рыцарей.

– Теперь пойдём и возьмём Александра руками! – хвалились победители.

В поход двинулся цвет здешнего рыцарства. Шли они добывать русских...

Александр Невский немедленно отступил из орденских владений и, перейдя через Чудское озеро, поставил свои полки на русском берегу, у скалы Вороний камень, что встала на повороте Чудского озера в Псковское¹⁶.

Здесь же стояли уже изготовившиеся к бою суздальские полки его брата Андрея.

Поднявшись на скалу, Александр Невский ожидал преследователей, вглядываясь в даль скованного льдом озера.

Немцы появились на восходе солнца 5 апреля 1242 года.

В накинутых поверх доспехов белых плащах, с нашитыми на них красными крестами двигались рыцари по скованной льдом равнине Чудского озера.

Увидев вставшие на их пути полки Александра Невского, немцы выстроились «свиньей» и, сомкнув щиты, не медля врезались в русскую рать¹⁷.

Их было много, до зубов вооружённых, закованных в несокрушимые доспехи врагов...

Слишком много...

Но не дрогнуло сердце молодого князя.

– Рассуди, Господи, спор мой с этим высокомерным народом! – воскликнул он. – Помоги мне, как помог Ты прадеду моему Ярославу победить окаянного Святополка!

А железный немецкий клин уже рассёк его войско.

Но ни страха, ни паники не возникло в русских дружинах. Смыкались ряды ратников, оцетиниваясь обгагрёнными кровью копьями.

С трёх сторон окружали русские немцев, и тут – этого мгновения и выжидал князь, совершивший обходной маневр! – он ударил в тыл немецкой свинье.

Этого рыцари не ожидали, и паника, которую надеялись посеять они у русских, теперь охватила их самих.

Смешались стройные ряды рыцарей. Началась

ужасная сеча. От звона мечей и треска ломающихся копий не слышно стало криков людей¹⁸.

Словно небесная гроза грохотала над заалевшей от крови ледяной равниной...

Очевидцы свидетельствовали, что видели «полки Божии на воздухе пришедшими» на помощь Александру Невскому.

Разгром был полным и решительным. Всё озеро оказалось усеяно трупами немцев. Многие утонули, провалившись в полыньи, а многие, израненные, скрылись в лесах.

Толпы плененных рыцарей, ещё вчера грозивших «взять его руками», привёл Александр Невский в Псков.

Силы Ливонского ордена были сломлены. Бесповоротно признавая свое поражение, рыцари ордена писали: «Что мы захватили мечом, от того отступаем...»

7

Великое торжество было в Пскове!

Но предоставим слово летописцу, живому свидетелю, ибо он точнее передаёт ощущения, охватившие тогда всех русских людей...

«И возвратися князь Олександр с победою славною. И баше множество полоненных в полку его, и ведяху их босы подле коней, тех, кто называл себя «божии рыцари».

И яко же приближися князь к граду Плескову¹⁹, игумени же и попове в ризах со кресты и весь народ сретоша его пред градом, воздавая хвалу Божови и славу князю Олександру, поюще песнь:

– Пособивый, Господи, кроткому Давиду победити иноплеменники, и верному князю нашему помог Ты оружием крестным освободити град Плесков от иноязычных...»

И дальше словно бы срывается в волнении голос очевидца. Словно бы забывая об описании встречи князя, обращается он к псковичам:

«О, неразумные псковичи! Если забудете об этом и до правнуков Александровых, то уподобитесь тем иудеям, которых накормил Господь в пустыне и которые обо всем этом забыли, как забыли и Бога, освободившего их из египетской неволи!»

И разве только к ликующим псковичам, вышедшим встретить святого князя, обращён голос летописца?

Конечно же, нет...

Он обращён ко всей Руси... И к той, что захлебывалась в крови татарского нашествия, и к той, которая будет подниматься и крепнуть в последующие века, и к той России, в которой живём сейчас мы...

Александр Невский переставал быть новгородским или псковским князем. Он становился князем всяя Руси.

И не просто Руси, а Святой Руси...

Последовавший в 1245 году поход в литовские земли закрепил это положение Александра Невского.

«В то же время умножися языка литовскаго и начаша пакостити волости Александрове, он же выездя [навстречу] и избиваше я, – пишет автор «Жития». – Единою ключися ему выехати, и победе 7 ратии едином выездом, и множество князей их изби, а овех рукама изыма, слугы же его, ругающиеся, вязахуть их к хвостом коней своих; и начаша оттоле блюстися имени его».

Эти слова «Жития» по сути подытоживают весь первый этап деятельности Александра Невского, связанный с его противостоянием западной агрессии.

«Борьба с Западом не окончилась Невской и Чудской битвами, – пишет Н.А. Клепинин. – Она, возобновляясь еще при жизни Святого Александра, продолжалась несколько столетий. Но Ледовое побоище сломило вражескую волну в то время, когда она была особенно сильна и когда благодаря ослаблению Руси успех ордена был бы решительным и окончательным. На Чудском озере и на Неве Святой Александр отстоял самобытность Руси от Запада в самое тяжелое время татарского полона. Обе эти сечи были битвами, которые не принесли ни мира, ни полного освобождения, но которые обозначают собою глубокий перелом, направляют историческую жизнь народа в иное русло».

Глава четвертая ВЫБОР ПУТИ

...подвигами же отвержения себе и ко благим делом принуждения стяжал еси свободу славы чад Божиих...

Акафист Александру Невскому. Искос четвертый

Победа на Чудском озере произошла 5 апреля 1242 года, а в следующем году хан Батый вызвал в Орду отца Александра Невского. Батый назначил Ярослава Всеволодовича правителем всей Руси.

– Буди ты старей всем князем в русском языке! – сказал он.

Мы говорили, что, приехав во Владимир «господствовать над развалинами и трупами», Ярослав Всеволодович много сделал для возрождения Владимирского княжества, но Киев, который сразу после его отъезда захватил Михаил Черниговский, был обращен татарами в развалины.

И вот теперь – в сожженном Киеве по-прежнему сохранялась митрополия, и город оставался номинальным центром Русской земли – вместе с дарованным татарами старшинством Ярославу Всеволодовичу вручен был ярлык на великое княжение киевское.

Ярослав Всеволодович направил в Киев своего воеводу Дмитрия Ейковича, а сам остался во Владимире, потому что именно здесь определялась отныне дальнейшая судьба Русской земли...

События эти – битва на Чудском озере и признание Ярослава Всеволодовича главою Русской земли – хотя и не связаны между собою напрямую, но, вероятно, слухи о победах Александра Невского сыграли не последнюю роль в решении хана.

Еще более очевидна мистическая связь событий.

Ставшему в духовном смысле главным князем на Руси, Александру Невскому открывался путь, чтобы фактически стать главой новой Руси...

1

К середине сороковых годов XIII века уже можно стало подвести итоги не только татарскому нашествию на Русь, но и той местнической политике, тому удельному образу жизни и мышления, которые самоубийственно отважно отстаивали русские князья.

«За умножение беззаконий наших попусти Бог

поганья, не акы милуя их, но нас кажа²⁰, да быхом встягнулися от злых дел», – отмечает Лаврентьевская летопись.

Исподволь мысль о татарском нашествии как Божьем вразумлении крепнет в умах современников...

«О светло-светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверьми, различными птицами, бесчисленными городами великими, селами славными, садами монастырскими, храмами божьими, князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!» – пишет в эти годы в «Слове о погибели Русской земли» летописец.

Переживая смерти и разорения, покаянное ощущение приводит постепенно к постижению божьей воли, выразившемуся тогда в обретении князьями святости...

«Величие святого Александра, – писал Н.А. Клепинин, – заключается не только в его делах и в том, какое влияние эти дела имели на последующие судьбы России: оно в нем самом, в его образе и в его личной святости... Его житие не говорит ни о внутренних подвигах, ни о духовном возрастании. Даже его личная семейная жизнь остается в тени; сведения о ней ограничиваются краткими датами рождений, смертей и свадеб. Но за внешними делами постоянно стоит сам святой Александр. Его внутренний образ ощущается за всеми его поступками. И, погружаясь в его житие, все больше и больше начинаешь ощущать и понимать глубочайшую живую силу его личной святости».

Безусловно, Александр Невский был при этом великим воином и гениальным полководцем, но каждый шаг его, каждое движение души – пример и назидание бескорыстной любви к Родине, самоотверженного служения своему народу. В вере и верности национальным традициям черпает молодой князь необходимые для этого подвига силы.

Еще более поучителен и нравственно неисчерпаем сюжет, связанный с выбором святым князем русского пути.

Да, страшным было татарское нашествие, тяжелой наложенная на страну дань. Еще труднее было

смириться, что целые столетия предстоит теперь жить в зависимости от татар.

И тем не менее такие князья, как Александр Невский или его отец Ярослав Всеволодович, уже тогда понимали, что основная опасность для Православной Руси исходит не от монголов.

Ведь латинство было тогда – призывы Папы Римского к крестовому походу на Русь свидетельство этому! – воинствующей религиозной системой, стремившейся подчинить себе православие и по своему образцу переделать обычаи русского народа.

Монголы же отличались веротерпимостью...

Уместно будет напомнить тут, что лишь в 1260 году хан Золотой Орды Берке примет мусульманство, а во времена Александра Невского монгольские армии, взяв Багдад, нанесли по мусульманству страшный удар.

Но и потом, когда Берке примет мусульманство, произойдет это, так сказать, на улусном уровне, а на имперском – великие монгольские ханы сохраняли мудрость и веротерпимость и продолжали покровительствовать другим религиям.

Разумеется, уважение монголов к русскому православию, хотя первые монгольские армии и состояли преимущественно из буддистов и христиан (несториан), надо было еще завоевать нашим князьям-страстотерпцам.

И завоевывать это уважение приходилось порою ценой собственных жизней...

В русской памяти останутся не только подвиги святого князя Александра Невского, но и подвиги его современников, ставших святыми мучениками.

Когда Батый приказал черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу и его боярину Федору исполнить языческие обряды, князь ответил на это:

– Я готов поклониться царю, ему вручил Бог судьбу царств земных. Но я – христианин, и я не буду кланяться тому, чему поклоняются ваши жрецы.

И, сбросив с плеч княжескую шубу, добавил:

– Не погублю души моей. Прочь слава мира сего тленная. Не хочу её!

Долго мучили князя. Рассказывают, что последними словами святого были:

– Аз есмь христианин!

Он отдал Богу душу под страшными пытками, но никогда не бывает напрасным страдание за православную веру.

Не напрасны были и подвиги наших князей-страстотерпцев.

Более того.

Оглядываясь из многовековой дали, только удивляешься, как быстро достигли эти подвиги цели. Увидев, что русские князья предпочитают люютую смерть измене православию, завоеватели перестали принуждать Русь к языческим обрядам.

2

Свой мученический подвиг черниговский князь Михаил Всеволодович совершил в 1246 году, в том самом году, когда пришло время испытания и подвига и для князя Александра Ярославовича Невского.

В 1246 году он потерял отца²¹.

Ярослав Всеволодович умер на берегу Орхона в столице монгольской империи Каракоруме²², и сразу распространились слухи, что великий князь отравлен Туракиней, вдовой хана Угэдэя...

Слухи эти распространял монах Иоанн де Плато Карпини, посланный Папой Иннокентием IV в Монголию, и делал это, как представляется нам, с дальним прицелом.

После того как все попытки римского престола силой покорить северо-восточную Русь провалились, в Риме решено было выпросить у монголов под свое управление... Русскую Православную Церковь.

Римское посольство в Каракорум было снаряжено и для этого тоже.

Однако великие монгольские ханы не поддались на римскую уловку, и теперь нужно было искать другой путь.

Разумеется, распространяя слухи об отравлении Ярослава Всеволодовича, посланники Папы Римского рисковали. Но уж слишком заманчиво было поспорить с татарами главного врага крестоносцев – князя Александра Невского...

Догадывался ли Александр Невский, что слухи об отравлении отца – козни папских посланников?

Неведомо.

Скорее всего слепящие разум слухи дошли до него, когда он спешил во Владимир на похороны отца, но князь не дал воли своим чувствам.

Александр Невский воспринял смерть отца как предостережение.

Прощание с отцом оказалось омрачено торопливостью, с которой дядя Александра Невского,

Святослав Всеволодович, поспешил разделить отцовское наследие.

Сам он уже успел получить в Орде ярлык на великое княжение и сейчас раздавал племянникам уделы²³.

Александру Ярославичу достались Переяславль, Зубцов и Нерехта.

Мы уже рассказывали, как, опасаясь растущей славы Александра Невского и любви к нему народа, бояре поспешили изгнать князя из Новгорода.

Сейчас всё повторялось. Доблести племянника Святослав Всеволодович противопоставил ханский ярлык. Сознательно или несознательно, он делал всё, чтобы подтолкнуть племянника на необдуманные действия, которые неминуемо должны были привести Александра к гибели.

Но Господь даровал Александру Невскому не только отвагу и гений полководца, но и высочайшую мудрость правителя – предвидение и терпение.

Он не позволил уловить себя в дьявольскую сеть обстоятельств.

Не выказав обиды, вернулся в Новгород, куда вскоре и пришло напоминание Батю о необходимости явиться в Орду...

Это было еще одно испытание.

«Мне покори́л Бог многие народы... – писал грозный хан. – Ты ли один не хочешь покориться державе моей?»

Дальнейшее промедление означало бы войну, которую пришлось бы вести не только с татарами, но и с родными братьями и дядей – данниками хана.

Но это с одной стороны. А с другой – поездка в Орду была сопряжена с опасностью бесславной гибели.

3

Задумавшись, какие мысли могли занимать Александра Невского, когда вскоре после похорон отца отправился он в ставку хана.

Какие чувства переполняли отважное сердце осиротевшего князя?

Он был властителем единственного нетронутого вражескими нашествиями Новгородского края!

Блистательные победы над могущественными врагами – Невская битва, освобождение Пскова, Ледовое побоище, разгром литовцев под Торжком, Торопцом, Бежичами, Витебском – сияли за спиной молодого князя.

Вспомним, наконец, что Александру Невскому было тогда всего двадцать шесть лет...

Как же не воспламениться, как не разгореться в сердце праведному огню мщения?!

И если бы князь Александр Невский был просто героем, он так бы и поступил.

Но Александр Невский не просто герой.

Он – святой князь. Степенная книга говорит, что «смирненную мудрость» Александр «стяжа паче всех человек».

Смирненномудрие, не вписывающееся в западный героический эпос, уживалось в святом Александре Невском с воинским бесстрашием и дерзкой отвагой.

Он и сейчас сумел найти в себе силы смирения.

Решение это потребовало от него большего героизма, чем любой бранный подвиг. Ведь ради исполнения воли божией, ради спасения Отечества и Православия князь жертвовал не только самим собою, но и славой непобедимого героя...

И если действительно святыми не рождаются, а становятся, то, возможно, именно по дороге в Орду и произошло с Александром Невским это дивное преобразование...

Житие Александра Невского утверждает, что, увидев русского князя, Батый сказал:

– Правду мне говорили, нет князя, подобного тебе.

Однако на Русь Александра Невского не отпустил, а велел ехать в далекий Каракорум, где два года назад и умер его отец, Ярослав Всеволодович.

Путь Александра Невского в Большую Орду к великому хану пролёг практически вдоль границы будущей Российской империи по степи Средней Азии в далёкое Забайкалье.

4

Наши историки до сих пор еще не определили до конца отношения к державе, зародившейся в читинско-монгольских степях, на берегах Орхона.

Тем не менее постепенно происходит осознание того непреложного факта, что именно империя Чингисхана была непосредственной предшественницей Российской империи...

Поразительно, но ведь и наследница её – Советская империя – практически совпадала своими границами с ними.

Воистину, в этом смысле наша страна – феноменальное, небывалое в мировой истории образова-

ние. Из различных центров, на основе совершенно различных государственных идеологий, различными империеобразующими этносами создавались эти три государства, но совпадала их территория, на которой – лучше ли, хуже ли! – но обеспечивалось выживание всех включенных в империю народов. Когда же империя благодаря враждебным силам разрушалась, она снова возникала уже на основе другой идеологии, другого этноса, из другого центра, но в тех же самых границах.

Что это значит?

Да только одно...

То, что эта империя нужна Богу, то, что народам, населяющим нашу страну, надобно исполнить то, что предназначено нашей стране Богом²⁴.

И, может быть, именно эту истину и прозревал в молитвенном сосредоточении святой благоверный князь Александр Невский, когда пробирался в далёкое Забайкалье сквозь степи Средней Азии.

Поразительно, но путь Александра Невского практически пролёг вдоль южной границы будущей Российской империи, которую еще предстоит построить его потомкам.

«Подчинение Александра Орде иначе не может быть оценено как подвиг смирения, – пишет Г.В.Вернадский. – Два подвига Александра Невского – подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке – имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа».

Александр Невский не мог знать того, что известно сейчас любому школьнику.

Ему неизвестно было, что, разгромив нашествие Биргера, он защитил не только новгородские пределы, но еще и будущую столицу империи, которую столетия спустя построят возле места Невской битвы его потомки.

Разумеется, Александр Невский не знал, что, пробираясь в далекий Каракорум, он по сути очерчивает южную границу этой империи...

Но Александр Невский был святым и яснее, чем мы сейчас, вооруженные знанием исторических фактов, прозревал духовным зрением последствия своего отнюдь не случайного, а глубоко продуманного выбора.

И мы видим сейчас, что выбор святого князя оказался безукоризненным и с геополитической точ-

ки зрения. Сохранив православие, Русь надежно прикрыла с помощью татар северо-западные земли, где уже при внуках и правнуках святого Александра Невского началась кристаллизация нового центра Русской земли – Москвы, разросшегося в могущественнейшее государство, вобравшее и подчинившее себе и своих завоевателей...

И это государство, которое через века прозревал святой князь, не могли сокрушить никакие враги...

И разве сыщется пример более полного совпадения пути спасения и устройства русским человеком своей души с путями спасения и устройства государства?

Навечно повенчав Русь со степью, князь выбрал не только свой Путь.

Он выбрал Путь Руси на многие столетия вперед.

Этого выбора наши западники не могли простить Александру Невскому и столетия спустя...

5

Еще во времена императрицы Анны Иоанновны случился занятный конфуз.

Датский профессор Педер фон Хавен, написавший книгу «Путешествие в Россию», в которой мы находим чрезвычайно любопытные описания Санкт-Петербурга тех лет, говоря об Александровской лавре, сказал: «Прежде это был маленький монастырь, основанный русским героем по имени Александр или посвященный ему; он в XII веке защищал русскую веру и в битве одолел татар на том месте, где теперь на берегу Невы построен монастырь, почему его и назвали Невским».

Ошибка знаменательная.

Простодушный датский профессор даже и предположить не мог, что благоверный князь Александр Невский сражался за православие не с татарами, а с крестоносцами.

И не потому Педер фон Хавен совершил ошибку, что не мог уточнить этот факт. Нет, ему и в голову не могло прийти, что Петр I поклоняется святому, всю земную деятельность которого он зачеркивает своими реформами.

А вот еще один занятный сюжет, связанный с попытками европейской трактовки образа князя Александра Невского...

У нашего знаменитого либерала Тимофея Николаевича Грановского, профессора всеобщей истории Московского университета, помимо знаме-

нитого революционера Александра Ивановича Герцена был еще и другой ученик – Василий Осипович Ключевский, ставший в дальнейшем автором прославленного курса русской истории.

Василий Осипович, как сообщает энциклопедия, оставался крупнейшим представителем русской буржуазно-либеральной историографии. Это действительно так, коли в его «Курсе русской истории» так и не вошел узловой персонаж русской истории – святой благоверный князь Александр Невский.

Имя благоверного князя упоминается в этом пятитомнике четыре раза. Два раза, когда речь идет о родственнике святого князя, один раз в списке персонажей книги, которую читал Петр I, и еще раз в связи с Александровской лаврой.

Самого же святого князя, его подвигов и побед в объемистом курсе, по которому изучали русскую историю многие тысячи русских людей, просто нет.

И тут только и остается подивиться мастерству Василия Осиповича! Ведь и перечитывая его пятитомник, только случайно замечаешь, что из этого курса изъят такой узловой персонаж русской истории!

Ну а если говорить серьезно, то невозможно не заметить некий мистический смысл в том, что Александр Невский не вошел в историю России, которую создал либерал В.О. Ключевский... Святой князь сам ушел из нее, потому что эта история имела очень малое отношение к истории Святой Руси, в которой жил и которую защищал святой благоверный князь.

В цепочке «учитель–ученик–ученик ученика» Василий Осипович занимает промежуточное место. Воспитанник Тимофея Николаевича Грановского и сам воспитал немало профессоров-историков.

Наиболее известен из них Михаил Николаевич Покровский, который при советской власти стал бессменным заместителем наркома просвещения и создал учебник «Русская история в самом сжатом очерке». При этом он пошел дальше учителя. Василий Осипович в своем «курсе русской истории» умудрился не заметить Александра Невского, а Михаил Николаевич не замечает в «сжатом очерке» и самой русской истории.

До конца своей жизни этот ученик Василия Осиповича Ключевского принуждал всех русских школьников изучать историю по своему учебнику, который не столько образовывал граждан нашей

страны, сколько насаждал большевистско-интернационалистскую ненависть ко всему русскому.

Ну и если мы протянем цепочку «учитель–ученик–ученик ученика» далее, то попадем в наше время, в школы и институты, где нам навязывали представление, что наш народ – это то, что думала о русском народе разная либеральная диссидентская публика XIX и XX столетий.

И сколько усилий необходимо было предпринять, через какие беды свои личные и всей страны нужно было пройти, чтобы осознать, что диссидентская публика и в XIX, и в XX столетии не столько пыталась понять русский народ, сколько увязывала с мыслями о народе собственные нездоровые ощущения, собственные комплексы...

6

Всем этим попыткам противостоял и продолжал ет противостоять святой благоверный князь Александр Невский...

Отличительная черта блистательных воинских, дипломатических и государственных побед святого князя в том и заключалась, что он всегда ощущал себя исполнителем воли божьей и, принимая зачастую новаторские стратегические и тактические решения, никогда не увлекался, никогда не позволял эмоциям восторжествовать над собою.

Всё его житие можно уподобить образу, сверяясь с которым, можно и должно строить свою деятельность правителям Руси и её защитникам.

Более того...

Совершив свой подвиг христианского смирения, Александр Невский преподавал всем своим соотечественникам великий национальный урок того, как, подчиняя собственное своеволие божьей воле, обретает русский человек воистину сверхчеловеческие способности, помогающие ему совершить невозможное.

И в высшей степени поучительно, по-настоящему образовательно то, что этот урок усваивается теми, кто искренне желает служить России.

Это хорошо понимали последние русские императоры: Александр II, Александр III и Николай II.

В рукописном журнале «Муравейник», издаваемом великими князьями под руководством В.К.Жуковского, было помещено в 1831 году сочинение наследника престола Александра Николае-

вича о своем небесном покровителе – святом князе Александре Невском.

Будущий император не обладал литературными способностями, но сам строй мысли очень точно передает волнение, переживаемое автором в момент прикосновения к тайне свершений святого князя...

«Александр... понял.... Таинственное знамение, сложил руки, пал на колени и, решившись в глубине души быть для народа своего тем, что солнце сие для всего мира, смиренно произнес: «Да будет воля твоя»...»

И нет никаких сомнений, что столь глубокое сопереживание тайне служения благоверного князя, пережитое юным Александром Николаевичем, и позволило потом императору Александру II совершить то великое деяние, которое не могли совершить ни его отец, ни дядя, ни дед...

Можно говорить о роли Александра Невского и в судьбе другого русского императора, Александра III. Практически во всех сибирских городах, вдоль прорезавшей Сибирь железной дороги выросли тогда храмы Александра Невского, и именно этими соборами и крепилась Транссибирская магистраль.

И разве не ощущаем мы в чуде происшедшего тогда преображения Сибири могучую поступь святого князя?

7

Но все это произойдет шесть столетий спустя, а в 1247 году святому князю Александру Невскому еще только предстояло сделать свой выбор.

Была уже осень, когда прибыл он в Каракорум.

Тут толпились пришельцы со всех концов мира, но самого хана не было в столице.

Пришедшие из степей монголы были кочевым народом.

Они покоряли и опустошали страны, но своих городов не имели. Города монголам заменяли передвижные лагеря, которые разбивались в том месте, которое указывал хан. Бесконечные улицы шатров выстраивались тогда и стояли месяцы, иногда годы, чтобы в один день погрузиться на телеги и исчезнуть вместе с Ордою в степи.

Хан тоже лишь изредка появлялся в огромном дворце, а основное время кочевал с бесконечным обозом по степям. Вместе с обозом везли и его юрту, обитую изнутри листовым золотом и украшенную драгоценностями.

Коротая ожидание, часто сидел князь Александр Невский на берегу Орхона, смотрел на бегущую воду, думал о своем отце, о далекой Руси...

Бурливая на отмелях, стремительно бежала река к неведомой князю Селенге, чтобы влиться ее прозрачными и чистыми водами в далекое озеро Байкал...

Сохранилось несколько редакций «Жития святого благоверного князя Александра Невского». Все они содержат рассказ о переговорах, которые пытались вести с князем посланцы Папы Римского.

Место переговоров точно не указывается, но рассказ о переговорах стоит рядом с поездкой Александра Невского в Каракорум, и вполне резонно предположить, что, пока ожидал князь возвращения великого хана, и оболщали его римские дипломаты, обещая похлопотать об умножении славы благоверного князя...

Взамен от Александра Ярославовича почти ничего и не требовалось.

Александр Невскому передали послание Иннокентия IV, который предлагал князю всего лишь признать «римскую церковь матерью» да покориться римскому первосвященнику и апостольскому престолу. Зато взамен Папа Римский сулил Александру Ярославовичу особое почтение среди других католических государей...

И снова думал святой Александр Невский о пути, по которому должна пойти Русь. И, наверное, вспоминал он и мертвые руины городов, что лежали вдоль его пути в Каракорум.

Конечно же, путь, о котором говорили ему папские посланцы, выглядел заманчиво. Это был тот путь, который изберет князь Даниил Романович Галицкий, который, кстати сказать, был тогда гораздо более могущественным, чем Александр Невский, князем. Словно в подтверждение справедливости выбранного Александром Невским пути, Даниил Романович попытается создать с помощью Папы Римского антимонгольскую коалицию.

Но – увы! – ничего не получится из этого.

Как справедливо отмечают исследователи, Даниил Романович разменяется на повседневные политические мелочи и упустит из рук главные нити исторических событий. Он выиграет несколько отдельных сражений, но, пожертвовав ду-

ховной самостоятельностью, проиграет самое главное – Православную Русь.

Г.В. Вернадский считал, что Даниил Романович Галицкий имел в своем распоряжении исключительно благоприятные историко-географические силы: несравненный плацдарм в сердце средней Европы; используя он с тыла поддержку монгольской силы, он достиг бы результатов совершенно непредвиденных и необыкновенных...

Но в конечном результате не прошло и ста лет после смерти Даниила, как вся его отчина – Галицко-Волынское княжество – превратилась в захудалую окраину Европы, в ту буферную зону, которой по плану римских политиков назначено было стать и всей Руси.

Об этом в тридцатые годы XIX века с присущей ему немецкой прямоотой написал А.М. Амман, осудивший святого князя за нежелание совместно с западными христианами бороться против татар. А.М. Амман считал, что Александр выбрал «игу», вместо того чтобы «Русь стала предпольем европейской крепости в оборонительном сражении против татар».

Александру Невскому превращать Русь в «предполье европейской крепости» не хотелось, и он предпочел пойти по другому пути...

Как ни тягостна была сама мысль о превращении Руси в один из улусов Золотой Орды, но Александр Невский ясно видел, что татары уже не пытаются посягать на православную веру. Православная Церковь в России сохранила полную свободу своей деятельности и более того – получала поддержку от ханской власти...

Обложив русские княжества данью, ханы разумно ограничили её десятой частью доходов. Политическая свобода князей, разумеется, была сильно урезана, но вместе с тем в управление княжествами, во внутренние дела княжеств татары не вмешивались, ни о какой оккупации или колонизации Руси речь не шла...

Всё противилось в Александре Невском этому выбору, но третьего пути – увы! – не было. Третьим путём проезжал он в Каракорум, мимо лежащих в мёртвых руинах городов...

Кратким и недвусмысленным был ответ святого князя искушавшим его посланцам Папы Римского.

– Мы знаем истинное учение Церкви! – ответил он. – А вашего не приемлем и знать не хотим.

Окончание следует

Примечания

¹ Еще в сентябре 1198 года Папа Иннокентий III обратился к византийскому императору Алексею III с требованием об «объединении» (унии) христианских церквей и подчинении греческой церкви римскому престолу. Алексей III отклонил предложения Папы, и уже в 1203 году крестоносцы, собравшиеся в IV крестовый поход, восстановили на византийском престоле царевича Алексея, ставшего императором Алексеем IV. Под общественным нажимом Алексей IV тоже вынужден был порвать с крестоносцами, так и не выполнив своих обещаний, и тогда само собою вспыхнуло народное восстание и на византийский престол взошел Алексей Дука. Но и он предпочел уклониться от исполнения плана, предложенного Папой Римским, и тогда крестоносцы, защищая, как сказали бы сейчас, права человека, свергли и его. После захвата Константинополя крестоносцы открыто занялись «правозащитной» деятельностью. «Сами сарацины, – свидетельствовал византийский хронист Никита Хониат, – более добры и сострадательны по сравнению с этими людьми, которые носят на плече знак Христа». В результате Византия так и не смогла воспрянуть после 57-летней оккупации ее латинянами и оказалась в XV веке легкой добычей для турок. Небольшим островком православия оставалась тогда Никейская область, в которой пребывал православный патриарх, который и утверждал новых митрополитов для Руси.

² Авдова гора – самое высокое место в северных окрестностях Юрьева. Ее современная высота – 225 метров над уровнем моря. Юрьева гора (максимальная высота 182 метра) поднимается над южным отрогом Авдовой горы.

³ 12 июня по новому стилю.

⁴ Нынешняя Донецкая область.

⁵ Брат Александра, Федор Ярославович, с которым «делил» Александр новгородский престол, скончался 10 июля 1233 года, готовясь к свадьбе. Считается, что он был старшим братом Александра, но некоторые историки, исходя из обстоятельств, связанных с вынужденной разлукой родителей, полагают, что Федор и Александр были близнецами... И надо отметить еще одно удивительное совпадение. И дед Александра Невского, Мстислав Мстиславович, и отец, Ярослав Всеволодович, получили в крещении имя Федора, но в историю вошли именно как Мстислав и Ярослав. Вот и в Новгороде тоже Александр княжил вместе с братом Федором, но когда наступает время исторических свершений, Федор уходит. Зато остается печать Александра Ярославовича с изображением святого Федора Стратилата, которой он и пользовался все свое правление. Совпадение непонятное, но едва ли случайное...

⁶ Наказывая.

⁷ Нынешние Крестцы.

⁸ По преданию, Торопецкую икону, называвшуюся тогда Корсунской или Эфесской, привезли из Византии в XII веке

благодаря хлопотам святой Евфросинии Полоцкой. В Торопец икону привезла Александра, внучатая племянница Евфросинии. С этой иконой полоцкая княжна и венчалась с девятнадцатилетним князем Александром Ярославовичем... С тех пор, кажется, и началось особое почитание этого образа. Как свидетельствуют предания, не раз чудотворная икона спасала город Торопец от набегов неприятеля и эпидемий. В центре города специально для этой иконы был выстроен величественный Корсунско-Богородицкий собор, где чудотворный образ и хранился до 1921 года.

В Торопце, вблизи этой чудотворной иконы, прошло детство и отрочество сына здешнего священника Иоанна Белавина, которому в страшные годы большевистских гонений, будучи уже патриархом Тихоном, суждено будет возглавить Русскую Православную Церковь и провести ее по крестному пути. В 1921 году Корсунско-Богородицкий собор был закрыт, и чудотворную икону Богородицы увезли в местный краеведческий музей, откуда ее в 1936 году забрали в Государственный Русский музей. Чтобы доказать «молодость» иконы, излишне ретивые «реставраторы» частично «расчистили» икону до основания, но сейчас Торопецкая икона Божией Матери, слава Богу, вырвана из их рук и временно находится в храме Александра Невского в поселке Княжье Озеро под Москвой.

⁹ Лицевой летописный свод. Лаптевский том. Лист 898 об.

¹⁰ «Не в силах Бог, но в правде; помянем песнопевца Давида, глаголюща: сии во оружии, а сии на конех, мы же во имя Господа Бога призовем, ти спяти быша и падоша».

¹¹ Пелгусий стоял «при крае моря, стрешашеть обою пути, и пребысть всю ночь во бденьи; яко же нача всходити солнце, и слыша шум страшен по морю, и виде насад (судно) един гребущь, посреде насада стояща мученику Бориса и Глеба в одеждах червленых... и рече Борис: брате Глебе! повели грести, да поможем сроднику своему Александру».

¹² Подвиги воинов Александра Невского запечатлены в миниатюрах Лицевого летописного свода. Это миниатюры, изображающие подвиги Гаврилы Олексича, новгородца Сбыслава Якуновича, Якова Полочанина, новгородца Миши, младшего дружинника Савы и подвиг Ратмира.

¹³ Вскоре после Невской битвы в устье Ижоры была построена деревянная часовня. По указу Петра I в 1711 году здесь заложили церковь Александра Невского. В 1725 году эта церковь сгорела и была отстроена заново к маю 1730 года. Но и эта церковь с колокольней сгорела в 1797 году от удара молнии, и через год ее отстроили заново уже в каменном виде. В 1934 году храм закрыли, и здание использовалось как клуб и склад. В начале блокады саперы взорвали колокольню, служившую ориентиром для артиллерии немцев. В 1990 году храм был возвращен верующим и отреставрирован. Рядом с храмом в июне 2003 года открыли памятник Александру Невскому (скульптор В.Э. Горевой).

¹⁴ Другой аргумент скептиков строится на том, что, дескать, в летописях мало говорится об этом событии, но тут

можно напомнить, что и об уничтожении татарами цветущего Киева тоже сказано летописцами немного, но это не умаляет размеров уничтоженного города...

15 Актуальность этого похода диктовалась военной необходимостью. Стратегически чрезвычайно выгодно было создать на территории Новгородско-Владимирской Руси своеобразное предполье католических государств. Напомним, что 9 апреля 1241 года монгольские войска нанесли при Лигнице сокрушительное поражение немецко-польскому войску, в которое входили также французские тамплиеры и рыцари Тевтонского ордена. Считается, что тогда монголы отрезали у убитых врагов правые уши и набили ими девять мешков.

16 Ближе всего к месту Ледового побоища расположено село Кобылье городище (50 километров к югу от Гдова), существующее на месте крепости, основанной в 1462 году. В память 750-летия Ледового побоища в 1992 году в Кобыльем городище установлен памятник Александру Невскому. От прежней крепости сохранилась церковь Михаила Архангела.

17 «Новгородцы осуществили необычный маневр: они отступили на лед Чудского озера «на Узмени у Вороньего камня», – пишет А.Н. Кирпичников. – Туда подошло и орденское войско. Таким образом, место битвы было определено русской стороной с явным расчетом осуществить против немецкого построения, названного «свиньей», маневренный бой одновременно несколькими, по преимуществу конными, отрядами. Судя по указанию источников, создается впечатление, что немецкое войско не разделялось на отряды, а выступало одной сплоченной массой».

18 «И бысть сеча зельна на немцы и на чудь, – говорит Житие Александра Невского, – и треск велик от копей ломания и звук страшен от мечнаго сечения... и не бе видети леду: покрыло бо ся кровию».

19 Пскову.

20 Наказывая.

21 Мать Александра Невского Феодосия скончалась еще 5 мая 1244 года, приняв схиму с именем Евфросинии. Ее погребли в Георгиевском соборе монастыря Святого Великомученика, Победоносца и Чудотворца Георгия (Юрьев монастырь) под Новгородом, основанном князем Ярославом Мудрым.

22 Согласно русским летописям, Ярослав Всеволодович умер естественной смертью, не выдержав тягот обратного пути, как это произошло с большей частью его свиты еще по дороге в Каракорум.

23 «Сыновци (племянники) свои посади по городом, якож бе им отец урядил Ярослав».

24 Отметим попутно, что мы, осознавая себя наследниками великих созидателей нашего государства, должны ясно понимать, что все те, кто тем или иным способом пытаются разрушить страну, враги не только нашего государства, но и самого Бога.

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдаря», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

